

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК: 330.1

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук

Национальная металлургическая академия Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: КОНТЕКСТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Статья продолжает цикл ранее опубликованных в журнале работ автора, посвящённых исследованию закономерностей институциональной эволюции. Рассматриваются взаимодействия институтов присвоения, определяются институты взаимодействий и их интеграционная миссия в институциональной архитектонике.

О взаимодействиях институтов присвоения

Укрепление властной корпорации племени субстанционально связано с эволюцией *власти-собственности*. Хотя впервые данный термин был предложен для характеристики средневековых феодальных политико-экономических отношений в Западной Европе¹, его содержание более основательно разработано применительно к восточному типу эволюции человечества. Опираясь на "мульк" Ибн-Хальдуна и известные положения К.Маркса об азиатском способе производства, власть-собственность чаще всего определяют как феномен, в котором собственность является функцией владения и власти. Власть-собственность предполагает передачу по наследству должности с её правами и прерогативами, включая высшую собственность. Социально-экономической основой власти-собственности государства и государя было священное право верхов на избыточный продукт производителей, а процесс её становления заключался в постепенной централизации реципрокных отношений, переходе от добровольного обмена к регулируемому старейшиной общины и надобщинными структурами².

Нетрудно заметить, что указанный подход акцентирует внимание на активной, ведущей роли власти, её первичности по отношению к собственности. На мой взгляд, содержание власти-собственности этим не исчерпывается. Необходимо также учитывать её изначальность, всеобщность, сложность структуры, этапность эволюции и многоликость.

В самом общем смысле власть-собственность – это противоречивое единство *подчинения и присвоения*, и в этом качестве она не появляется, а проявляется, становится очевидной на определённом этапе общественной эволюции. Рождается же она вместе с человеческой общностью. В изначальной первобытной общине, где всё в едином, а единое – во всём, в условиях слиянности природных и общественных феноменов, неперсонифицированности взаимодействий власть-собственность нелегко обнаружить даже по косвенным признакам. Позже, с появлением межличностных взаимодействий коллективно-индивидуальное присвоение опредмечивания и очеловечивания практически полностью определяется

¹ См.: Цирель С.В. "Власть-собственность" в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. – 2006. – № 3. – С. 119–122.

² См.: Там же.

индивидуально-коллективным подчинением протоинститутам. Протоинституциональность подчинения и присвоения взаимоадекватны.

Разделение деятельности, появление избыточного продукта и первых собственно институтов изменяет ситуацию. Усложнившаяся общинная организация обнаруживает пределы подчинения протоинститутам только посредством протоинститутов. Власть традиций становится недостаточной, и не только в силу появления собственно институтов как не совсем традиций. Начинает выделяться *властная* деятельность – осознанное подчинение и принуждение, а её главные субъекты – лидеры общин – начинают использовать не только традиционные, но и сознательно сформированные рычаги, в том числе для трансформации традиционного порядка присвоения.

Лидер общины (вождь, старейшина) является олицетворением власти традиций. Это позволяет ему присваивать часть того избыточного продукта, который по необходимости централизуется в интересах всей общины. Кроме такого протоправа на доход, вождь постепенно сосредоточивает в своих руках и такие протоправа собственности, как управление, определение порядка хозяйственного использования земли и скота. Как это ни покажется парадоксальным, но подобные антипротоинституциональные действия опираются на протоинституциональную легитимацию. Во-первых, вождь – такой же, как и любой иной, общинник, субъект коллективно-индивидуального присвоения, а потому имеет освящённое традицией право на часть необходимого и избыточного продукта. Во-вторых, если сама фигура вождя – сакральна, то и любые его действия воспринимаются общинниками прежде всего в этом контексте. Сам же вождь, вероятно, умело использует в своих интересах протоинституциональные лакуны и противоречия. Поэтому и упомянутый парадокс вполне закономерен.

В любом случае более полное, преференциальное присвоение протоинститутов вождём (в сравнении с иными членами общины) катализирует и его властную деятельность, и присвоение им *не* протоинститутов, в частности, части избыточного продукта. Под сенью власти протоинститутов рождается и крепнет *персональная* власть вождя и его клана. По мере такого укрепления расширяется круг протоправ собственности, которые вождь концентрирует в своих руках.

Однако в общине и протоинституциональное (освященное традицией), и собственно институциональное (определяемое властной и институциональной деятельностью вождя) властное присвоение постепенно расширяющегося круга объектов существенно сдерживается скрепами общинной демократии, а потому *коллективно-индивидуальный* характер власти-собственности делает лишь первые шаги в *корпоративно-персональном* направлении. На межобщинном и племенном уровнях указанные скрепы становятся гораздо менее значимыми. Их постепенное преодоление, вероятно, стало одним из катализаторов интенсификации контактов лидеров родственных общин. Нужно учитывать ещё одно важное обстоятельство. Очевидно, степень активности интеграционистских усилий лидеров общин напрямую зависела от объёмов получаемой ими личной выгоды. В этом смысле племенная властная корпорация предваряет появление должности вождя как её вершины.

Таким образом, столкнувшись с общинными ограничениями собственной экспансии власть-собственность общинных элит сыграла важную роль в становлении и укреплении племенной властной корпорации, а посредством её – утверждении властного корпоративно-персонального присвоения. Именно корпоративно-персонального, ибо только положение, место и роль в иерархии властной корпорации той или иной персоны

определяет объекты и масштабы персонального властного присвоения. Оставаясь протоинституционально зависимой, власть-собственность *постепенно* освобождается от "пут" традиции и проходит в рассматриваемый период последовательно-параллельные этапы властного присвоения растущей части избыточного и необходимого продукта, управления хозяйственным процессом, определения порядка хозяйственного использования земли и скота, верховного распоряжения землей и скотом. Укрепляющаяся экономическая власть с самого начала используется для укрепления политической. "Рука руку моет"! На мой взгляд, взаимное усиление экономической и социально-политической власти является *законом восходящего движения власти-собственности*.

Разумеется, власть-собственность не исчерпывает всего богатства отношений присвоения, в том числе его дифференциации и закрепления выделяющихся таким образом протоправ собственности за отдельными субъектами. К примеру, очевидно, что по мере укрепления племенной организации верховное распоряжение землей и скотом переходит от общины к её элите и затем – к вождю племени и властной корпорации. В то же время за отдельными членами последней соответственно их положению во властной иерархии закрепляются права частичного распоряжения (например, передача по наследству) и владения участками земли и поголовьем скота. Но подобные процессы характерны не только для власти-собственности.

Агрегат "обособленная собственность семей рядовых общинников" в зрелом племени включает, по крайней мере, следующие составляющие: использование и частичное владение участком земли (определение порядка его хозяйственного использования), распоряжение частью произведённой продукции, распоряжение, владение и использование мелких орудий труда. Это, в частности, означает, что сфера некогда господствовавшего коллективно-индивидуального присвоения опредмечивания сужается. Практически исчезает подобное присвоение общинных орудий труда. Объектом *коллективно-индивидуального* пользования и отчасти владения рядовых общинников остаётся нераспределённая между семьями и членами властной корпорации часть земли (луга, леса, болота). Но реальными индивидуальными субъектами такого владения являются уже не все общинники, а, как правило, главы семей. Коллективно-индивидуальным образом используются общинниками *общинные и племенные* культовые и ритуальные сооружения, некоторые предметы культа, а также протоинституты и институты. Распоряжение же указанными объектами рано или поздно оказывается в руках властной корпорации.

Усложняются опредмеченные и очеловеченные СЧС как объекты *индивидуально-группового* присвоения. Речь идёт об отдельных ремесленных орудиях труда, которыми могут владеть и которые могут использовать все члены соответствующей профессиональной группы; о профессиональных качествах (умениях, навыках), рутинах разных соцобров и профессиональных групп; а также о соответствующих указанным соцобрам и группам микропротоинститутах, микро- и мезоинститутах.

Достаточно выраженным становится *частное* присвоение рабов, некоторых орудий труда, а также определённой части сельскохозяйственной и ремесленной продукции. В меру полноты частного присвоения указанных объектов соответствующий субъект присвоения формирует собственные самоинституты и распоряжается ими по своему усмотрению. В отличие от паттернов как наноинститутов I рода, самоинституты определяют порядок не производства материальных продуктов, а социальную, политическую и духовную деятельность частного собственника.

Актуализируются и становятся очевидными некоторые дополнительные различия между *личным* и *частным* присвоением. Объектом первого выступают только лично продуцируемые данной индивидуальностью СЧС (не суть важно – опредмеченные или очеловеченные). Последнее распространяется, главным образом, на *не* лично продуцируемые СЧС. Так, распоряжение главой семьи продуктом её деятельности является преимущественно не личным, а частным. Частное присвоение упорядочивается, *прежде всего*, экономическими институтами и уж затем – неэкономическими в меру их настройки по камертону экономических, а его субъектом становится *homo oeconomicus*³. Личное присвоение более органично вплетено в контекст взаимодействующих экономических, социальных, духовных и политических институтов, которые в значительной мере конституируют именно *личность* человека, а не какую-либо её отдельную составляющую.

Об институтах взаимодействий

Упрочение племенных унобров обнажает ещё один немаловажный институциональный срез. Речь идёт о разграничении групп институтов, упорядочивающих *взаимодействия*: 1) рода (общины) с природой как внешней реальностью; 2) внутриродовые (внутриобщинные); 3) межродовые (межобщинные); 4) между племенной властной корпорацией и иными внутриплеменными образованиями (родами, общинами, соцобрами). Некоторые аспекты этих взаимодействий уже рассматривались. Здесь же необходим акцент на тех аспектах, которые важны для дальнейшего исследования.

Первую группу образуют протоинституты и институты, упорядочивающие отношения человека с природой, в том числе с его внутренней биологической природой как могущественной силой, неким сверхъестественным субъектом, который способен и возвысить, и покарать. Справедливо полагается, что первыми такими протоинститутами были многочисленные табу. С одной стороны, их преимущественная направленность очевидна – упорядочение (в частности, ограничение, сублимация, регулирование) животных инстинктов⁴. В поздней родовой общине относительно возросла роль ритуалов, а в период становления племени – различных сельскохозяйственных культов. С другой стороны, табу представляли собой нечто подобное договору с указанной сверхъестественной силой, в случае нарушения которого следует кара⁵.

В то же время нельзя недооценивать открытость в общину, вернее, *общественную* открытость I группы институтов, в том числе детерминацию ими ряда протоинститутов иных упомянутых групп. Так, именно на основе табу "не убий" укрепилась соответствующая общечеловеческая моральная норма, которая в современных условиях реализуется в форме законодательного запрета смертной казни. Традиция межобщинного обмена женщинами является важнейшим следствием табу на инцест. Как известно, культы и ритуалы сыграли важную роль в становлении религий.

В ряду внутриродовых (внутриобщинных) протоинститутов и институтов (*II группа*) важное место принадлежит моральным нормам, которые упорядочивают взаимодействия членов рода, то есть "своих", и не применимы во взаимодействиях с "чужими". С укреплением племени некоторые моральные нормы выходят за пределы рода (общины) в племенное

³ Разумеется, этот признак частного присвоения в рассматриваемый период институциональной эволюции не является преобладающим, но уже достаточно определённо заявляет претензии на будущее доминирование.

⁴ См.: Шалютин Б. Закон, юридический закон и общественный договор // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 36–37.

⁵ См.: Там же. – С. 37.

пространство. Этот процесс инициируется властной корпорацией по вполне понятным причинам: общность, представляющая собой соединение чужих друг другу групп, крайне неустойчива. Поэтому её упрочение неизбежно связано с тенденцией к признанию своими всех её членов⁶. Разумеется, судьбы родовых моральных норм различны. Одни из них не покидают пределы семьи и рода, другие становятся общинными, третьи – племенными. Но все они испытывают влияние институтов иных трёх групп и соответствующим образом трансформируются. Например, в племени моральная норма "не убий" никогда не становилась столь императивной, как в пределах рода.

Становление постродовых унобров, в том числе племени, предполагает предварительно-параллельное формирование институтов взаимодействия родов (общин) (*III группа институтов взаимодействия*), которые в известной мере отличались от родовых (общинных) институтов. *Взаимодействие родовых (общинных) институтов рождает институты взаимодействия родов (общин)*.

По мнению Ю.Семёнова, кровная месть возникла как явление именно межродовое и была суровой необходимостью. Уничтожение члена рода обидчика восстанавливало баланс сил и предупреждало всех соседей, что смерть члена данного рода не останется безнаказанной. Опасность обусловленной кровной мстью бесконечной цепи убийств и взаимоуничтожения враждующих сторон привела к формированию *принципа талиона*: ответный ущерб должен быть равен инициальному ("око за око"). Так формировались понятие и чувство справедливости. Когда одна сторона нанесла ущерб другой, произошло нарушение справедливости. Она должна быть восстановлена. В итоге возникает новая форма регулирования отношений – *обычное право*, которое отлично и от *табуитета*, и от *морали*. Его сторонами (субъектами) первоначально выступали только группы (общины), но не индивиды. Интеграция соседствующих родов в надродовые целостности (племена) не изменила принципиально ни внутривидовых, ни межродовых отношений. Однако род, нарушивший принцип талиона, противопоставлял себя не только другой стороне конфликта, но и остальным членам надродового сообщества и сообществу в целом с вытекающими отсюда опасностями и угрозами⁷.

Б.Шалютин небезосновательно считает, что принцип талиона – это уже вполне определённый *общественный договор* как форма установления отношений между "чужими". Переход от "войны всех против всех" к общественному договору осуществляется в процессе восхождения от родового уровня организации социокультурного бытия к надродовому и является его (процесса) условием и важнейшим компонентом. Кроме того, межродовой онтологический общественный договор представляет собой исторически первую *форму юридического закона*⁸. Уже в период становления племени начинается проникновение закона внутрь рода, что было связано в том числе с дифференциацией рода, возникновением в его составе множества родственных групп⁹.

Результаты исследований Ю.Семенова и Б.Шалютина позволяют сделать некоторые значимые для нас выводы. Во-первых, талион гораздо более институционален, чем протоинституционален, и является результатом, прежде всего, *осознанных*, согласованных действий, договоренностей лидеров родов (общин). Во-вторых, талион – это институт взаимо-

⁶ См.: Там же. – С. 41.

⁷ См.: Там же. – С. 38.

⁸ См.: Там же. – С. 39–41.

⁹ См.: Там же. – С. 41.

действия, родившийся во взаимодействии родовых (общинных) институтов. Исторические и этнографические данные свидетельствуют, что талион как институт упорядочивает многие сферы племенной жизнедеятельности и взаимодействия разных родов, общин, соцовров, в том числе экономическую. Он является неотъемлемой составляющей институтов взаимодействия племенной властной корпорации с внутриплеменными образованиями (*IV группа институтов взаимодействия*). В-третьих, нельзя недооценивать влияние института талиона и связанного с ним общественного договора на становление *эквивалентного обмена* СЧС (определёнными и очеловеченными). Соответствующая гипотеза была сформулирована мною ранее. Талион и договор делают её более убедительной.

Продукт опредмечивания становится товаром *не* "только тогда, когда он переходит из рук в руки не путём *насильственного отчуждения или дарения*, а лишь в результате *добровольного обмена* одной потребительной стоимости на другую, иную по своим качествам"¹⁰; *не* только при производстве продукта для обмена, а не для личного потребления, но и тогда, когда принцип *эквивалентности обмена* становится *доминирующим институтом*. Перечисленные условия товарности продукта опредмечивания обозначились уже в неолите, когда субъектами обмена выступали преимущественно общины. В постнеолите вместе с вовлечением в товарный обмен продуктов труда больших и малых семей происходит переход от простой, или случайной к полной, или развёрнутой форме стоимости. Очевидно, последняя утверждается в период развитого племенного строя, трансформирующегося в раннегосударственные и раннецивилизационные образования¹¹.

В этот же период интенсифицируется обмен очеловеченными СЧС в форме знаний, опыта, информации, навыков, умений, паттернов, рутин и институтов, причём не столько между общинами, сколько между различными социальными образованиями, прежде всего, профессиональными группами и специалистами. Является ли этот обмен эквивалентным? Поскольку на основании имеющихся эмпирических данных и обобщений сделать однозначный вывод не представляется возможным, ограничимся гипотетическими предположениями. Прежде всего, весьма сомнительна эквивалентность транслируемых и ассимилируемых конкретных СЧС, поскольку, как уже отмечалось, не все транслируемые субъектом СЧС ассимилируются объектом. Далее. Некорректно считать эквивалентными неодновременно транслируемые субъектом конкретные СЧС нескольким разным объектам. Если эти СЧС идентичны, то они тождественны самим себе, если же не идентичны, то, следовательно, – разнокачественны. Эквивалентность, как известно, предполагает однокачественность и на этой основе – соизмеримость.

Иное дело – затраты СЧС вообще на трансляцию и ассимиляцию конкретных СЧС. Если содержанием взаимодействия субъектов непосредственного очеловечивания является взаимная трансляция конкретных СЧС, то правомерно предположение об эквивалентности затрат СЧС вообще указанных субъектов на трансляцию конкретных СЧС. Если последние субъектами ассимилируются, вполне вероятным является равенство затрат субъектов на трансляцию и ассимиляцию конкретных СЧС. Если же субъект непосредственного очеловечивания транслирует данные конкретные СЧС объекту, а объект эти СЧС ассимилирует, то можно предпо-

¹⁰ Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (Политико-экономические очерки). – М., 1985. – С. 97–98.

¹¹ См.: Там же. – С. 105.

ложить эквивалентность затрат СЧС вообще субъекта на трансляцию конкретных СЧС затратам объекта на их ассимиляцию.

Разумеется, пространство опредмечивания-очеловечивания значительно сложнее его отдельных сфер, и было бы не корректным абсолютизировать в упорядочении имманентных ему взаимодействий роль института талиона и эквивалентности. В то же время нельзя исключать их некоторую роль в обмене продуктов опредмечивания на продукты очеловечивания, в том числе институты. Так, если субъект продуцирует и транслирует новые конкретные СЧС другим субъектам, то затраты его СЧС вообще должны быть эквивалентны затратам на производство продуктов опредмечивания и иных конкретных СЧС, обмениваемых на эти новые СЧС. Продуцируя племенные макроинституты и транслируя их соплеменникам, властная корпорация вправе рассчитывать на эквивалентное возмещение затрат своих СЧС вообще, прежде всего, продуктами опередмечивания. Но властная корпорация склонна к неэквивалентным взаимодействиям, которые вполне соответствуют её социальному статусу.

Неэквивалентный обмен предполагает присвоение субъектом продукта А, затраты СЧС на производство которого не равны затратам СЧС самого субъекта на произведённый и обмениваемый им продукт Б на продукт А. В **таком контексте эксплуатация** означает присвоение субъектом продуктов, затраты СЧС на производство которых превышают его (субъекта) собственные. Иными словами и в более общем смысле, эксплуатация – это присвоение чужой деятельности сверх масштабов собственной.

С этих позиций эксплуатация присуща и внутриобщинной реципрокции (уравнительному распределению), и общинной, а также племенной редистрибуции. В доплеменной общине редистрибутивные функции исполнялись старейшиной (вождём) публично¹², а их вторичность по отношению к реципрокции подчеркивалась протоинститутами и институтами публичного показа и раздачи "частных" сокровищ, распределения накопленного отдельными семьями имущества между членами общины и даже уничтожения крупных богатств¹³.

В развитом племени *реципрокция, эквивалентность и редистрибуция* сосуществуют, но общеплеменная редистрибутивная система постепенно становится основным регулятором потоков вещей и услуг между общинами при сосредоточении определённых излишков в руках аристократических кланов во главе с вождём¹⁴. Продуцируемые и закрепляемые властной корпорацией институты и инструменты редистрибуции (прото-налоги, дань, приношения, отработки и т. п.) позволяют ей присваивать львиную долю продуктов и опредмечивания, и очеловечивания. К примеру, значительный массив накопленных знаний и информации становится недоступным большинству соплеменников, присваивается исключительно властной корпорацией и используется ею для укрепления своего статус-кво.

Некоторые выводы

Несмотря на некоторую фрагментарность, представленные выше наброски о становлении и содержании племенных унобров позволяют сформулировать некоторые обобщения, имеющие прямое отношение к тематике институциональной эволюции.

¹² См.: Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: Соціокультурний розвиток людства: Навч. посіб. – К., 1996. – С. 209.

¹³ См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство. – С. 141.

¹⁴ См.: Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: Соціокультурний розвиток людства. – С. 209.

Прежде всего, существенно интенсифицируются взаимодействия институциональной деятельности с иными видами деятельности – экономической, социальной, политической, духовной. Важным результатом таких взаимодействий становится рождение *производных* видов деятельности: институционально-духовной, институционально-экономической, институционально-социальной, институционально-политической (если ведущую роль играет собственно институциональная деятельность); духовно-институциональной, экономико-институциональной, социально-институциональной, политико-институциональной (если институциональная деятельность является ведомой и вспомогательной). Главным *субъектом* институциональной деятельности становится властная корпорация¹⁵. Продуцируя племенные макроинституты, она устанавливает контроль за институциональной деятельностью иных субъектов: глав семей, профессиональных и иных социальных образований.

Институциональная деятельность играет ключевую роль в формировании *институциональной универсумики племени*, "выстраивании" её протоинституциональной составляющей по "камертону" собственно институциональной. В связи с этим обращает на себя внимание, *во-первых*, достаточно жёсткое иерархическое строение универсумики племени и чёткое разграничение уровней иерархии институтов – племенные, общин, соцов, семей, самоинституты; *во-вторых*, усиление значимости институтов взаимодействий, выполняющих важную *интеграционную* миссию. На рисунке представлены институты взаимодействий и преимущественно упорядочиваемые ими виды взаимосвязей. Например, генетические и автопоэтические взаимосвязи упорядочиваются, главным образом, институтами неравенства; автопоэтические и симбиотические – институтами насилия; симбиотические и коэволюционные – институтами реципрокций; конкурентные, коммуникативные и метаболические – институтами редистрибуции; *в-третьих*, появление нового класса институтов – протоинститутов II рода и рутин.

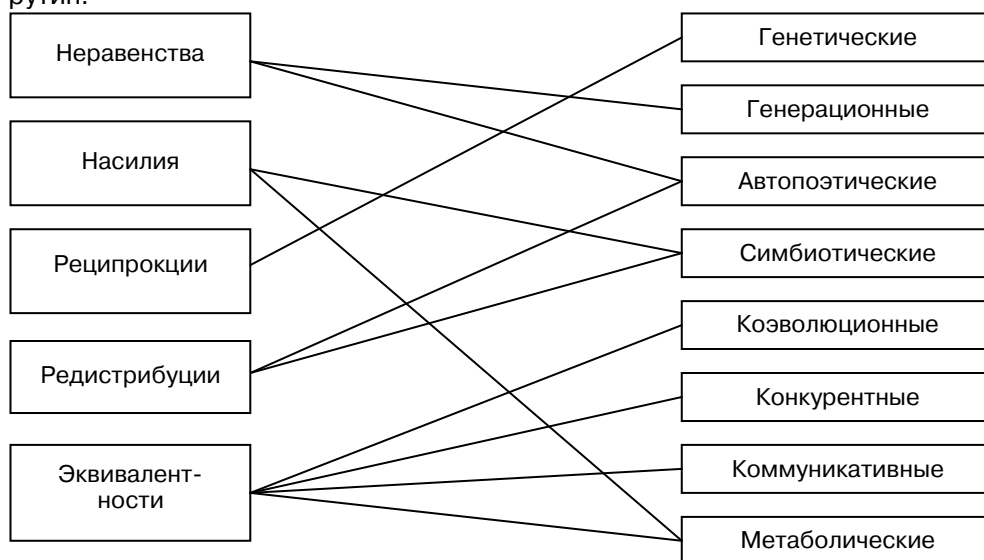

Рисунок. Институты и виды взаимосвязей

¹⁵ Поскольку этот субъект корпоративен, вполне логичным является распределение и закрепление отдельных операций, действий, средств и результатов институциональной деятельности, а также производных видов деятельности за отдельными членами властной корпорации.

Институциональная универсумика племени включает все институты и протоинституты племени, в том числе племенные макроинституты, упорядочивающие жизнедеятельность племени как целостности. Особость каждого отдельного племени обеспечивается его *институциональной архитектурой*, включающей, как уже отмечалось, только системообразующие институты и взаимодействия.

Эволюция племени обнажает новые качества *срединности*. Она предстаёт теперь не только как *интеграционность*, но и как *субстанциональность* (из единого общинно-племенного корня-ствола произрастают различные эволюционные ветви) и *общечеловечность*, обнимающая то общее, что присуще всем универсумным образованиям. В то же время срединность отнюдь не всеобъемлюща. Доминирование природной составляющей универсумных образований и соответствующая "несимметричность" техно-гуманитарно-экологического баланса детерминирует известную специфику не только восточной племенной организации, но и менталитета, особого склада очеловеченных сущностных сил критической массы населения.

Достигнутый уровень развития орудий труда и соответствующая необходимость строгого подчинения производственного процесса природному ритму (например, разливам Нила) катализировали протоинституциональное и институциональное закрепление не только зависимости от природы и необходимости подчинения её слепым силам, но и органической включённости в природу, императивности действий в согласии с ней. Поэтому, например, известный восточный принцип недеяния несёт в себе смыслы не полной пассивности, а непротивления естественному ходу событий (объективным законам – в новоевропейской "транскрипции"), согласования с ним человеческих действий.

Значительные объёмы сельскохозяйственных работ в достаточно сжатые сроки требуют слаженных коллективных действий, жёсткого подчинения индивидуальных усилий коллективному "ритму". Как правило, пределы развития индивидуальности заданы микроинститутами того коллектива или той группы, к которой она принадлежит. Если же учесть, что в развитом племени продуцируемые властной корпорацией племенные макроинституты доминируют над институтами общинной демократии, вытесняя их на "обочину" упорядочения жизнедеятельности племени, становится очевидным формирование и известная консервация примитивной коллективности, образуемой не столько взаимодействиями индивидуальностей, сколько экзогенным влиянием. Будучи существенно ограниченной во внешней самореализации, в том числе присвоении опредмечивания, не элитарная индивидуальность тяготеет к интравертности. В этих условиях, во-первых, облегчается проецирование патриархальных семейных институтов на племенной уровень организации, а во-вторых, более "природное", образное, чувственно-созерцательное восприятие мира практически не вытесняется зачатками экономизированного абстрактного мышления.

Вышеизложенное лишь обозначает некоторые контуры институциональной специфики восточного типа эволюции человечества. Восток полон тайн. Будем надеяться, что на некоторые из них прольёт свет будущее исследование институциональной эволюции первых цивилизаций.